

«Я же просто потеряла сознание, я ещё не умерла», — думала Снежноцапка Койоти.

Более того, Снежноцапка чувствовала, что, по сравнению с обмороком, её состояние скорее походило на выход души из тела.

Душа, покидающая тело перед смертью.

Душа Снежноцапки парила над её телом, смотря, как её плоть раскрывала рот, хватая воздух, будто карп на ферме, который случайно выпрыгнул из садка. Её быстро открывающиеся и закрывающиеся пересохшие синевато-фиолетовые губы темнели дальше, её изумрудные глаза закатывались, и чем выше они закатывались, тем темнее становилось вокруг души Снежноцапки.

Она уже почти не могла разглядеть этот узкий трюм.

Её двое единственных спутников стояли рядом с её упавшим телом. Один был пантодонским русалом, верующим в Инеевого Звоноврана, археологом, которому перевалило за восемьдесят.

А другой — гриболюдом, паразитировавшим на длинноногом муравье; его мицелий на голове муравья сплетал цветочный веночек, но именно он и являлся основным телом гриболюда. Он сжимал искусственно сформированные из мицелия голосовые органы и громко звал Снежноцапку.

«Как же странно, — отстранённо подумала Снежноцапка, — почему служитель одного из Шести Столпов, прислужник тёмного бога и носитель крови демона оказались на одном и том же судне?.. Ах, да».

Снежноцапка вспомнила — потому что их всех преследовали.

Археолог, который просто хотел изучить историю пантодонских русалов, на обратном пути обнаружил, что члены ордена Возрождения собрались у древнего, ранее неизвестного, а потому не очищенного кладбища, и планировали осквернить мёртвых, создавая нежить.

Археолог поджёг кладбище с телами, в результате чего оказался преследуем некромантами Возрождения.

А гриболюд, паразитировавший на муравье, являлся тёмным существом, которое вообще не должно было покидать глубины грибного леса; появившись среди людей, оно, разумеется, подверглось бы преследованию со стороны Инквизиции.

Но ещё более странным казалось то, что за ним также гнались культ Искажения, Общество Исследования Чумы и орден Возрождения.

Что же до Снежноцапки... Она носила самую распространённую фамилию волколюдов «Койоти» и имела самый обычный лик волколюда. Её серо-голубые длинные волосы, уши и хвост того же цвета делали её совершенно неприметной среди сородичей.

С какой стороны ни посмотри, девушка была самой обычной. Не служитель, не редкая раса вроде гриболюдов. Почему же культ Искажения охотился за ней, и как она умудрилась почти год избегать их хватки, до сих пор не погибнув?

Потому что культ Искажения преследовал её, но не собирался убивать.

Потому что она была созданной ими же человеческой носителем демонической крови.

Демоны бешенозвери являлись животными, осквернёнными силой Девы Серебряной Луны, которые искажались: их тела становились смесью волков, тигров, кабанов и прочих зверей, как будто их разрезали на части и сшили в хаосе. Они вынужденно жили в форме с двумя-тремя головами, четырьмя-пятью желудками, шестью-семью лапами или копытами — живые, но в вечной муке.

Из-за множества голов они не могли думать ни о чём, кроме убийства, еды и жажды.

Из-за множества желудков, сколько бы они ни ели, насытиться им было почти невозможно.

Они часто имели и мужские половые признаки — не один, — и женские — тоже не один набор. Слитые тела приносили хаос в периоды течки; если два бешенозверя встречались, они спаривались и одновременно грызли плоть друг друга.

Беременность у них была крайне редкой, а если бешенозверю удавалось забеременеть, верующие Девы Серебряной Луны считали это знаком удачи и молили о благословении.

Но даже с благословением новорожденные бешенозвери почти не выживали.

Их уродливые родители порождали ещё более уродливых детёнышей, которые умирали ещё в утробе.

После множества безуспешных просьб о благословении в культе Искажения возник вопрос:

«Раз бешенозвери едва могут произвести живого детёныша друг от друга, почему бы не попробовать использовать человеческое тело в качестве матки для семени бешенозверя?»

Снежноцапка Койоти и была этим «попробовать».

Она стала самой удачной из десятка выживших волчат — внешне совершенно обычной волколюдкой, очень здоровой, даже слишком. Её сила превосходила человеческую, характер плохо контролировался, но в остальном она ничем не отличалась от нормальных волколюдов.

У неё не было магии, и уж точно она не унаследовала способности бешенозверей.

Люди культа Искажения обзревали её, вздыхали от её обычности, но хвалили её пол.

— Раз она такая здоровая, — говорили они, — пусть станет маткой для следующего эксперимента.

В то время Снежноцапке исполнилось только пять. Её братья и сёстры умерли от врождённых болезней; лишь она сидела в грязной клетке, слыша эти слова.

Она толком не понимала — говорить её никто не учил.

Но она чувствовала страх.

В девять лет Снежноцапка бежала. Её надзорщики разделились: одни считали, что женщину её возраста уже можно «использовать», другие — что стоит дождаться зрелости ради успешного эксперимента.

Разногласие создало брешь. Снежноцапка чутким звериным инстинктом уловила момент, сбежала с базы и прыгнула в реку Райи.

По берегам Райи стояло множество наблюдательных постов Инквизиции; культ Искажения не решился гнаться слишком активно. Снежноцапка проплавала два дня и была выловлена Ректихом и Пятнулей, которые хотели украсть рыбу.

— Ректих! В воде пёсолюд!

— Дурак! Это волколюд!

Снежноцапка, не понимая их слов, глупо смотрела на них. Когда она разжала рот — из него выпрыгнула маленькая рыбка.

Так её и подобрали домой, говоря: «Раз рыбы мало, давайте съедим эту глупую волчицу — она даже говорить не умеет, так что Инквизиции не наступит. Ха-ха, шутка».

Снежноцапка, вспоминая это, медленно улынулась.

В замкнутой подлодке гриболюд завизжал:

— Конец! Снежноцапка улыбается! У неё пошли последние проблески жизни!

— Гриболюд, мистер гриболюд, — восьмидесятилетний археолог, сидя на полу, тяжело дышал, — ты не думаешь, что слишком много говоришь... слишком много тратишь... кислорода?..

— Во-первых, у меня нет пола, не называй меня «мистером», это уже двадцатый раз, — сказал гриболюд. — А во-вторых, мои голосовые органы — это отдельная структура, не связанная с дыханием. Так что хоть я для вас сейчас спою «А-а-а, река Райи», расход воздуха не увеличится ни на йоту.

— Но ты продолжаешь так болтать... и у меня возникает... иллюзия... что кислород... исчезает быстрее... — археолог держался за голову. — Мы ошиблись... ошиблись... Зачем мы полезли в эту подлодку... Никто из нас ведь не умеет ею управлять... Теперь мы даже не знаем, где мы...

Они не только не умели её вести — они заблудились и, в суете, повредили вентиляцию и мини-генератор кислорода.

— Потому что это был наш единственный путь к спасению, — продолжал гриболюд, — когда мы прыгали на борт, ты, русал, ещё расхваливал свою гениальную идею.

— Я ошибся... Никогда не думал, что умру в воде... — археолог бормотал почти во сне. — Когда вы умрёте... смогу ли я открыть клапаны и уйти в воду... Пусть ваши тела унесёт... Прости меня... Инеевый Звоновран...

— Мне-то всё равно, — сказал гриболюд. — К тому времени мы со Снежноцапкой всё равно будем мертвы, можешь делать с телами что хочешь. Но, кстати, мне кажется, что последним умру именно я.

Археолог не стал спорить.

Кислорода стало ещё меньше, и он потерял сознание.

— Эх... — гриболюд вздохнул над человеческой хрупкостью и посмотрел на Снежноцапку. — Всё ещё улыбается.

Конечно, она улыбалась.

Годы, проведённые вместе с Ректихом, Пятнулей, Параибой и Хвостик стали самыми счастливыми в её жизни.

А потом она подобрала Линя.

Снежноцапка была маленькой, но её физическая сила позволяла ей затесаться в охотничьи группы у границ грибного леса. Возвращаясь утром домой, за пределами города, она увидела Линя, стоящего на обочине дороги.

Только дети из богатых семей имели такую гладкую кожу, но он стоял один, весь в синяках и грязи, в рваной одежде, голодный.

— Генное заболевание?

— Похоже на то. Как человек может быть таким?

— Раз его бросили в этом возрасте, значит точно. Жестоко — вырастили и выбросили.

Охотники обсуждали, не глядя мальчику в глаза.

Лишь Снежноцапка не отвела взгляд от его потерянных глаз.

«Похоже...»

Такой же страх, такое же непонимание мира и того, куда идти... всё было похоже на неё саму.

И генетическая болезнь — Парамба и Хвостик были естественно рождёнными детьми своих родителей, но когда у Парамбы нашли генетическую болезнь, та семейная пара бросила и его, и ещё здоровую тогда малышку Хвостик.

Пятнуля тоже — из-за чёрного пятнышка на носу его семья сочла его несчастливым и выгнала.

Только Ректих имел любящих родителей — и они умерли в грибном лесу.

Ребёнок, способный найти родителей, не бродил бы у городских ворот. Он был как они.

Снежноцапка не удержалась, вышла из группы охотников и подошла к мальчику:

— Как тебя зовут?

Мальчик нахмурился и издал странный звук — даже не слова.

«Он даже не понимает речи! И говорить не умеет! Ещё глупее, чем была я сама!»

— Пойдём со мной, — сказала Снежноцапка, взяв его за руку. — Пойдём, наш дом здесь.

Она привела его в 203-ю квартиру апартаментов «Мятное масло» — и они вместе получили нагоняй от Ректиха.

Но потом Парайба достал еду, и шестеро детей разделили её.

Снежноцапка прищурилась: в темноте её тело уже исчезало, а душа улетала.

Она вернулась в квартиру 203 апартаментов «Мятное масло», в гостиную с двухъярусной кроватью. Она увидела брата и сестру Масима, тесно прижавшихся друг к другу; Парайбу с румянцем на щеках, держащего Хвостик.

Она увидела Пятнулю, скачущего по комнате, и Ректиха, который готовил ужин — он заметил Пятнулю, подпрыгнул и кинулся за ним с лопаткой.

Она увидела Линя, сидевшего за столом в окружении раскрытых книг, тёршего виски и разбиравшегося с домашней работой.

Через миг он будто почувствовал её взгляд, поднял голову и слегка улыбнулся ей.

«Ах... Прошёл ли Линь выпускные экзамены и вступительные в Инквизицию? Как там болезнь Парайбы? О боги, кто бы вы ни были, пожалуйста, защитите его, пусть она больше не ухудшается. Ректих говорил, что собирается работать на банду. Он был таким мелким — справился ли он?»

В последнем сне своей жизни Снежноцапка сложила руки на груди и начала молиться:

«Ректих... Парайба... Хвостик... Пятнуля... Линь... Вы обязательно... обязательно должны...»

Внезапно свет прорезал темноту квартиры 203. Снежноцапка подняла голову — молитва осталась незаконченной — и увидела, что потолок сорвало. Снаружи на неё смотрел гигантский, больше самого потолка, розовый, но отливающий серебром глаз.